

A simple line drawing of a sun with rays setting over a body of water, with a dark, irregular shape below it containing the title.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ КАК ПОХОРОНЫ

Я довольно долго думал, нужны ли в этой книге главы о школе. И раз за разом приходил к выводу, что этой теме просто невозможно избежать. Ведь жизнь современного ребенка, за редчайшими исключениями, без школы не мыслится вообще. А родительские страхи и привычки, которым на этих страницах мы уделяем так много внимания, расцветают буйным цветом более всего именно под влиянием и в отношении образовательных рамок. Относительное родительское волнение становится абсолютным, ведь

если в каждодневном взаимодействии родитель ориентируется скорее на собственную интуицию, в школьную пору у него появляется иллюзия объективной обратной связи, необходимость соответствия чему-то осязаемому, как будто более понятному и сформулированному: «Учитель знает, как надо», «Программа составлена не случайно», «Школьная система стала такой, опираясь на опыт многих поколений».

Результатом такого положения дел становится естественное обострение наших страхов: тут и сравнение с другими, и боязнь несоответствия, и собственные воспоминания.

А с другой стороны, любая мелочь провоцирует проявление наших давних привычек: ведь все мы через это проходили и насобирали огромное количество практического материала — помним и себя на месте ребенка, и собственного родителя, место которого мы теперь прочно заняли. Поэтому и всплывают модели, таящиеся глубоко внутри, за семью печатями, поэтому и совершаем мы поступки, о которых после сожалеем и причины которых часто не до конца понимаем.

Итак, давайте вспомним, как проходит 1 сентября. То самое, когда «первый раз в первый класс». Построенные рядами дети, цветы, речи, строгое одеяние, которое вернулось в большинство школ с нашего молчаливого согласия. Воля ваша, а я никак не могу избавиться от ассоциации с похоронами... К кому обращена речь директора школы? Уж конечно, не к тем, кто в первый класс пришел. Речь виновнику торжества обычно совсем непонятна. Он, бедный, занят тем, чтобы выжить в этой жесткой ситуации. Цветы, призванные скрасить отрицательные ощущения, не слишком помогают. Они, конечно, добавляют пафоса, но при этом окончательно

запутывают как детей, так и учителей. Традиция приносить цветы 1 сентября начинает формировать лживую установку, обязывающую относиться к школе со странной благодарностью. Не как к институту, созданному для человека и призванному быть комфортным, гуманным, мягким, помогающим наиболее удобным способом познавать мир и самого себя, а как к неизбежному злу, которое уж лучше воспринимать с известной долей ностальгической симпатии. Себе дороже. «Когда уйдем со школьного двора-а-а...» Счастье — настоящее счастье — будет, когда уйдем. Но пока обманем собственных детей. «О, школа — это прекрасная пора...» Нет, никакая не прекрасная. Возможно, неизбежная. Но совершенно точно — тяжелая, часто унижительная, требующая понимания и поддержки. Подумайте, готовы ли вы дать эту поддержку, заменив ею тупой восторг и умиление?

Вообще, это особый день: дальше — больше. Школьнику предстоит узнать многое: чтобы разговаривать, нужно поднимать руки; чтобы поздороваться, нужно не «здоровствуйте» говорить, как до этого учили, а молча встать. Это все зачем? Врем про то, что «так вести себя интеллигентно и правильно», а на самом деле большинство учителей просто не умеют организовать учебный процесс, не «вырубая» детей. Вот и поднимают они руки уже в шесть лет, и встают вместо того, чтобы доставлять удовольствие себе и близким разговором, объятиями. Дети строем входят в систему, которая и доведет их до полного личностного нивелирования. Во всяком случае, очень постарается.

Вспоминаю историю, рассказанную мне человеком, которому сегодня далеко за 70. Его, как и всех нас, задолго начали готовить к 1 сентября. Он радостно устремился в школу: поднимал руку, был внимателен на уроках, слушал учительницу. Вернулся домой счастливым —

все прошло наилучшим образом... И вот настало 2 сентября. Рано утром мама разбудила его: «Коленька, вставай». — «Зачем же?» — недоумевал первоклассник. «Как же, в школу пора...» А Коленька — в слезы. «Я ведь уже вчера ходил!..» Только теперь он понял, что вся эта затея — всерьез и надолго. И праздник обернулся детским огорчением. На 10 лет. До сих пор вспоминает он ту горечь, которую испытал тогда.

В школе ведь все так. Всерьез и надолго. Ну, например, разве это удобно — учиться группой в 30–40 человек, которые смотрят в затылок друг другу? В самом деле, почему в классе обычно такая странная мизансцена? Я имею в виду фронтальное (относительно учеников) местонахождение учителя, посадку «лицо к спине», лишнюю возможность учеников встретиться взглядом, ровные ряды парт и прочее. С точки зрения дидактики в этом нет практически никакого смысла. Что же это? Ответ для меня очевиден: это наиболее простой способ управлять личностью. Причем в основном путем подавления. Помните первый класс? Слова учителя: «Ну-ка подравнялись, правый ряд — закрыли рты, левый — на меня смотреть, полная тишина... А теперь — тихонечко сели...» Это как поворот выключателя. Зачем? А затем, что иначе учитель не умеет. Вернее, вести себя именно так от него требует система. Он может только выключить энергию, лишить ученика его права на собственное поведение, даже на самую концепцию собственного поведения. Глядя в затылок впередисидящего, отвлекаться труднее. А на самом деле — труднее думать. Учитель превращается в единственный объект для ученика. Есть только он. «Все сидеть! Молчать! Закрыть рты! Слушать меня!» Вспомнили? Не страшно?..

С точки зрения адаптации существует несколько вариантов реакции на подобное обращение.

Реакция первая: «Я хороший». Этот способ взаимодействия с реальностью предполагает хорошее поведение, то есть выполнение всех требований того, кто сильнее (в нашем случае — учителя или воспитателя). Человек независимо от своих склонностей, желаний ведет себя подобающим образом: молчит, когда хочет говорить; встает, когда хочет сидеть; говорит, когда хочет молчать, и т. д. Он, конечно, привыкает делать не то, что хочется, только вот зачем? Многие скажут: легче жить будет. Ой ли?..

Реакция вторая: «Я плохой, но делаю вид, что хороший». Это значит, что я веду себя как хочу, но стоит учителю на меня взглянуть — вытягиваюсь в струну, замолкаю, пишу в тетради и т. п. В этом случае мы учимся такому необходимому навыку, как вранье. Причем поскольку большинству учеников все-таки невдомек, почему нужно вести себя именно таким, а не иным образом, главное тут — подчинение, основанное на страхе. Я делаю вид, что хороший, иначе мне попадет.

Реакция третья: «Я плохой». Она, прямо скажем, является наиболее редкой. По понятным причинам: трудно противостоять тем, кто по определению не просто сильнее тебя, но и с легкостью может испортить твою жизнь. Однако встречаются учащиеся школ и других образовательных учреждений, которые бескомпромиссно остаются самими собой. Поскольку чаще всего это поведение принимается за хулиганство (которым оно, впрочем, как правило, впоследствии и становится), жизнь их, мягко говоря, нелегка.

Наконец, еще один способ взаимодействия с описываемой действительностью, который я очень люблю, хотя встречается он нечасто: «Я хороший, но делаю вид, что плохой». Этот метод, на мой взгляд, наиболее творческий. Его логика примерно такова: «Мне и самому приятнее существовать в тишине и покое в классе,

но принуждение меня унижает. Поэтому я буду ему противостоять!» Да здравствуют герои!

Заметим, все четыре упомянутых способа — примеры извращенного поведения. Все они так или иначе предполагают насилие над личностью. Среди них нет простого и понятного: «Я веду себя так, как считаю нужным. Я — такой и имею право таким быть». Сами знаете, каков результат подобного подхода, не правда ли?

В то же время очевидно, что главной целью педагогического процесса является развитие личности, самости человека. Точнее, формирование его умения взаимодействовать с самим собой и со всеми факторами окружающего мира. Именно так у человека проявляются и впоследствии развиваются способности строить личные отношения с другими людьми и действительностью вообще, получать знания, навыки и опыт. Эти инструменты основаны не на комплексе неполноценности, а на личностной целостности и интересе. Знание и принятие себя позволяют нам находить такие способы образования и самообразования, которые наиболее приемлемы для нашей личности и соответствуют нашим склонностям. Школа же, основанная на насилии (пусть и во имя самых благих целей), уничтожает саму возможность подобных открытий.

Возьмем, к примеру, одну школьную тему. Признаком чего является шум в классе? Классический ответ: признаком того, что ученикам неинтересно... А на деле все наоборот. Когда нам интересно, мы шумим, обсуждаем, высказываем свое мнение. (Вспомните любую вечеринку, встречу с друзьями.) Чтобы принять материал, нам необходимо его обсудить — «присвоить». Кроме того, на мой взгляд, шум является признаком того, что дети живы... Во всех смыслах. Дети — люди в основном шумные.

Еще пример, который многие с ужасом вспоминают и одновременно пытаются вытеснить из памяти, — организация процесса еды в детских садах и школах. Вам предлагают некое блюдо (зачастую не самое аппетитное) и всеми силами заставляют его съесть вне зависимости от ваших желаний и личного вкуса (опущу подробности известных мне и многим читателям извращенных способов насилия с целью добиться поедания обеда). А при этом еще и врут, объясняя, что хорошие (!) дети съедают все до конца. Отдельные экземпляры доходят до такого цинизма, что приплетают к этому тему голода во время Великой Отечественной войны. Зачем? Неужели снова чтобы убить все личностные проявления, включая вкус? Как человек будет выбирать в XXI веке — в эпоху выбора, если он лишен этого права с детства?

Сама система современных образовательных учреждений, к несчастью, устроена антилично. Предположим, человек хотел бы посидеть и подумать. Но в этот момент объявлен перерыв — все встают и выходят. Как быть? Или наоборот: скажем, чтобы сосредоточиться, кому-то необходимо походить назад и вперед, однако он обязан сидеть сиднем. Или еще: кто-то в пять лет может заниматься математикой на протяжении 30 минут, а кому-то достаточно 15, а если дольше — ступор... Мне могут возразить: «Но ведь нельзя же построить систему, которая будет учитывать склонности каждого». Еще как можно! И разговаривать в классе, и вставать, и идти к предмету разными путями, и работать в разных ритмах. Нужно только осознать, что именно это и является одной из главных образовательных целей — формирование умения взаимодействовать с современным миром и способности выбирать собственный путь, знакомство с самим собой, со своими способами учения. Если прак-

тическая педагогика не будет срочно адаптирована к нынешним условиям (то есть не начнет реагировать тем или иным способом на рамки постмодернизма), системы образования рухнут, как карточные домики. Давление на человека в детском саду и школе в настоящее время достигло наивысшей точки. Пора думать и меняться...

Система провозглашает адаптацию едва ли не главной целью. Именно поэтому она и демонстрирует такое активное давление. Считается, что чем быстрее человек научится выполнять определенные правила, тем скорее он приспособится. Наоборот! Соблюдение правил — скорее признак глубокого ухода в себя, подчинения системе, нивелирования собственного «я», низведения его до некоего усредненного безличного уровня.

Человеку, приходящему в принципиально новую систему, каковыми являются школа и детский сад, практически всегда страшно и неуютно. Причем даже в том случае, если атмосфера этого места дружелюбна. Поэтому главное — дать человеку ощущение комфорта и укрепить веру в свои возможности. Дать ему возможность почувствовать себя сильным. (Сравните с сидением в затылок друг другу.) То есть нужно не расшатывать уверенность в себе, а усиливать. Именно из нее рождается сначала право на самого себя, затем ощущение своего места, а после — желание использовать это место в полной мере, то есть учиться, узнавать новое, знакомиться с миром.

Разве не этого хотят мама и папа, отправляя ребенка в школу? Разве не в этом заключается наша взрослая цель помещения ребенка в образовательные рамки? Как и когда происходит подмена? В какой момент люди (и дети, и родители, и учителя) оказываются внутри очередного витка воспитательного процесса, вместо того чтобы сообща радоваться познанию мира?